

Вечером перед мытьём Бянь Хун принёс целую охапку сухих дров. Он решил нагреть большой котёл воды и как следует вымыть всех в доме с головы до ног, основательно, не жалея сил.

Одних только дров он натаскал три или четыре раза. Он шёл впереди, а следом за ним тянулись два маленьких «хвостика». Юаньдин, всё ещё побаиваясь, что брат Си сердится из-за самовольного лазанья по деревьям и разорённого гнезда, теперь ходил за Бянь Хуном почти вплотную, с виноватой улыбкой, то и дело помогая - подбирая упавшие ветки, подавал поленья.

Гуаньбао же, сам толком не понимая зачем, тянул Юаньдина за подол, семенил следом и, находя всё это страшно забавным, широко улыбался без причины. Юаньдина это разозлило, он обернулся и легонько ткнул брата пальцем в лоб:

— Доносчик. Гуаньбао - доносчик.

Гуаньбао уже исполнилось три года. Пусть он и не до конца понимал смысл этого слова, но уже знал, что хорошего в нём нет. Он затопал ногами и замотал головой:

— Гуаньбао не доносчик!

Юаньдин обеими руками обхватил брату щёки и принялся мять их изо всех сил. Дети растут быстро, стоило всего несколько дней нормально поесть, как его прежде острый подбородок уже начал округляться, наливаясь мягкой детской плотью.

— Скажи: «старший брат, я больше не буду ябедничать».

— Не скажу!

Гуаньбао упрямо отвернулся, ещё и шмыгнул носом. Юаньдин вскрикнул «эх ты!» и, удерживая его за щёчки, наклонился и легонько укусил.

Гуаньбао тут же, путаясь и размахивая руками, закричал Бянь Хуну:

— Брат Си, брат Си, старший брат Юаньдин хочет меня съесть! У-у-у, Гуаньбао сейчас съедят!

Юаньдин секунду назад ещё смеялся, но, услышав это, будто ножом по сердцу полоснуло: улыбка исчезла, лицо посерьёзнело. Он тут же перестал дурачиться, крепко обнял Гуаньбао и, глядя его по голове, торопливо заговорил:

— Не буду, не буду кусать. Гуаньбао - хороший ребёнок. Брат Си здесь, никто нас не съест. Не бойся, не бойся.

Бянь Хун тихо вздохнул. В жестокой борьбе за выживание, как бы он ни старался уберечь детей, раны всё равно оставались, и наивной детской душе были нанесены травмы, которые не так-то просто стереть.

Он положил охапку дров у очага, протянул руки и притянул обоих детей к себе, мягко приговаривая:

— Ну-ка, кто сегодня первым будет тереть спинку? Кто вымоется, тому достанется одно яблоко из повидла. Только перед сном обязательно прополоскать рот.

Внимание детей мгновенно переключилось на заветное повидло. Сейчас оно казалось им настоящим лакомством, почти диковинным угощением. О других мыслях они тут же забыли, оба повисли на руках и на шее у Бянь Хуна, прижимаясь и канюча.

В очаге ярко пылал огонь. Бянь Хун сидел рядом, прислонившись спиной к стене, а в его объятиях жались двое детей, мечтающих о вкусном угощении. Его взгляд скользил поверх вихров на макушках Юань Дина и Гуань Бао и уходил в колышущееся пламя - он просто тихо смотрел, не думая ни о чём конкретном.

За дверью кухни Жун Фэн как раз починил большую купальную бадью, у которой раньше была сломана одна из дощатых заслонок, и теперь нёс её внутрь. Стоило открыть дверь, как он увидел: один старший и двое младших сбились у огня в одну кучу, словно три продрогшие зимой белки, прижавшиеся друг к другу, чтобы согреться.

— Бадья готова. Где будем мыться? — спросил Жун Фэн.

Юаньдин первым подбежал к нему, задрал голову и с восхищением глядя на мужчину, который с такой лёгкостью нёс огромный деревянный чан:

— Старший брат, ты такой сильный!

Жун Фэн усмехнулся и, освободив одну руку, щёлкнул Юаньдина по лбу.

— Ай! — пискнул тот, потирая место удара, но глаза его по-прежнему сияли. — Правда, очень сильный!

Бянь Хун, наблюдая за этим, тоже невольно улыбнулся. Мир этих двоих детей прежде ограничивался только им самим - узкий, шаткий, готовый рассыпаться в любой момент. Сейчас же они учились принимать другого человека, и это было хорошо. Сегодня это Жун Фэн, а, возможно, однажды появятся и другие. У них будет своя, наполненная жизнь.

Так Бянь Хун убеждал себя.

— Прямо в кухне, — ответил Бянь Хун. — Здесь удобнее воду подливать.

Когда купальную бадью поставили на место, Бянь Хун сразу понял, что и этой огромной кастрюли горячей воды всё равно будет мало - чан оказался неожиданно большим. Впрочем, оглянувшись на телосложение мужчины, он вынужден был признать: возможно, и этого объёма едва хватит.

Налили горячей воды, Жун Фэн принёс холодной, разбавил, затем снова подлил холодной в котёл и продолжил топить. Бянь Хун раздел детей и по одному опустил их в бадью. Воды было неглубоко - утонуть они не могли, зато ширина чана была такой, что двое детей могли бы в нём даже поплавать.

Бянь Хун взял грубое полотенце, обмакнул его в заранее растёртую и разведённую воду из мыльных орехов и тщательно стал тереть детям спины. Для Юаньдина и Гуаньбао это было первое купание в такой большой кадке с горячей водой - они то брызгались друг в друга, то толкались, заливаясь звонким смехом.

Жун Фэн, с его внушительной фигурой, устроился у очага на том месте, где прежде сидел Бянь Хун, и подбрасывал дрова, наблюдая за тем, как в клубах пара разыгрывается эта тёплая, шумная сцена. Тонкая верхняя одежда юного ланьцзюня от детских брызг намочила и прилипла к телу, отчётливо обрисовывая силуэт: хотя он выглядел худым, но в отдельных местах были округлые мягкости, такие, что, казалось, можно обхватить одной ладонью...

В очаге с сухим треском лопнуло полено, и Жун Фэн, очнувшись, поспешно отвёл взгляд, опустил голову и стал смотреть лишь на колеблющееся пламя, больше не поднимая глаз.

Когда дети вымылись, каждому в рот сунули по одному сваренному в сахарной воде яблоку. С кисло-сладким вкусом во рту их уложили в тёплую, сухую и чистую постель; со стороны Гуаньбао Бянь Хун даже подстелил ещё один слой на случай, если тот ночью снова намочит постель. После купания он был уверен: этот ребёнок обязательно обмочится.

Когда в кухне сменили воду в купальной бадье, Жун Фэн привёл туда и мать, поддерживая её под руку. Бянь Хун поначалу опасался, что после мытья она простудится, больному старику и так не следовало лишний раз утруждаться, но мать Жун настояла. Она даже достала новый шелковый наряд и, улыбаясь, сказала, что после купания, чистая и свежая, как раз его и наденет.

Бянь Хуну было неловко, всё-таки он мужчина, а стоять у бадьи и тереть спину пожилой женщине казалось неподобающим. Но, подумав о том, что у Жун Фэна на бедре ещё ожог и неизвестно, как он зажил, а значит, ему нельзя мочить рану, он решил иначе: взял настой из мыльных орехов и очень осторожно вымыл матери Жун голову и обтёр ей тело.

В конце концов, в глазах здешних людей он был ланьцзюнем, да ещё и чужим супругом, так что никакого различия между мужчинами и женщинами тут не делали, тем более когда речь шла о пожилom человеке.

После купания и вытирания Жун Фэн отнёс мать к ней в комнату на спине. Кан соединялся с очагом, был тёплым, и от этого вся комната наполнилась уютным теплом. Бянь Хун сел на край лежанки и стал расчёсывать ей волосы.

— Сяо Фэн, ты иди сначала сам помойся, — сказала она. — А мы тут с невесткой немного поговорим.

Видя, что у матери такое хорошее настроение, Жун Фэн не стал возражать и вышел.

В свете лампы глаза старухи словно обрели немного фокуса. Она смутно провожала взглядом силуэт сына, выходящего за дверь, и вдруг с тихой усмешкой сказала:

— Когда я его подобрала, он был совсем крохотный, дикий, как обезьяны в горах. А теперь уже мужчина, что небо подпирает.

Услышав это, Бянь Хун на мгновение замер, держа гребень в руке. Белый волос, зацепившись за сломанный зубец деревянного гребня, соскользнул вниз. Но мать Жун, словно и не заметив паузы, обернулась к Бянь Хуну и спросила:

— Волосы у меня теперь совсем редкие стали, да?

— Нет, — ответил он. — Всё ещё красивые.

Пусть серебряные, как иней, но в них всё ещё угадывалась прежняя стать.

— Ты не знаешь... — продолжила она. — Раньше, когда я была цзышу-ной, мы, сёстры, всегда помогали друг другу причёсываться, укладывали волосы. У меня волосы были хорошие, густые, потому все охотно брались мне их заплетать.

— Цзышу-ной? — переспросил Бянь Хун.

Лицо матери Жун наполнилось воспоминаниями:

— Да. Цзышу-ной* - это те, кто не выходит замуж. Мы, сёстры, жили вместе, поддерживали друг друга. Не выходили замуж и к мужчинам не приближались, разумеется, и детей у нас не было. Но, ах... в жизни всё бывает по-разному. Видно, по судьбе мне всё-таки был положен сын.

(ПП: буквально «женщина, которая сама расчесывает волосы». Речь идет о группе женщин в Гуандуне и других частях Южного Китая в конце 1800-х и начале 1900-х годов, которые поклялись сопротивляться угнетению, навязываемому конфуцианской концепцией брака. Хотя «Цзышу-ной» не обязательно были лесбиянками, в популярной культуре они воспринимаются как своего рода лесбийский культ и также принимаются как таковые китайским лесбийским

сообществом.)

Голос её был мягким, спокойным, она рассказывала не спеша, слово за словом. Бянь Хун молча слушал, и его рука вновь пришла в движение - гребень легко и плавно скользил по длинным, словно водопад, серебряным волосам.

— Как только холодало, каждая из нас, сестёр, по очереди ходила в горы - носить дрова для печи. Тогда всё было не так, как теперь: в тех местах у подножия Мэмэн, что ближе к деревням, стояли стражи гор, и опасностей было меньше, обычные люди не боялись подниматься туда за хворостом. В тот раз как раз выпала моя очередь, но в горах поднялся туман, я заблудилась и всё дальше и дальше заходила вглубь, пока не оказалась совсем в горах... и там меня окружила волчья стая.

Память у матери Жун в последние годы стала подводить, она часто забывала то одно, то другое, но сегодня давняя история вспоминалась ей удивительно ясно, до мельчайших подробностей.

— Волки... это было страшно. Их было так много. У меня ноги подкосились, я уже решила, что там и умру. И вдруг с дерева прямо передо мной спрыгнул ребёнок. Он присел на корточки и замер, не двигаясь. Я тогда подумала, что это просто ещё один кусок мяса для волков. Но волчья стая и тот грязный ребёнок какое-то время смотрели друг на друга, а потом волки вдруг отступили, ушли обратно в туман, заполнявший горный лес. Он спас меня, но даже не взглянул на меня: лишь протянул свою чёрную от грязи ладонь и указал на запад, велел идти в ту сторону.

Говоря это, мать Жун словно снова увидела того дикого горного ребёнка из далёкого прошлого, и морщины усталых лет на её лице будто слегка разгладились под тёплой улыбкой.

— Вышла я тогда из леса уже в сумерках, и правда выбралась. Но кому ни расскажи, никто не верил. Потом я сама стала постоянно ходить в горы за хворостом, всё надеялась снова его увидеть. И однажды, когда я сидела под деревом и ела сухой паёк, тот ребёнок появился из-за кустов и устался на еду у меня в руках. Я подняла голову и обомлела: у него был один голубой глаз.

Сказав это, мать Жун тяжело вздохнула:

— Эта его особенность потом принесла ему немало бед. Позже я узнала, что мальчика тогдашние стражи гор подобрали в горах, но он был слишком дикий, неуживчивый, не поддавался воспитанию. А тот страж был одинокий, без семьи, грубый мужик, как он мог вырастить ребёнка? Я подумала несколько дней, а потом сама попросилась выйти из храма цзышу-ньюй, нарушила обет и забрала того ребёнка к себе, стала растить.

Услышав это, Бянь Хун наконец понял, откуда взялась эта связь между матерью и сыном, и в груди откликнулось тёплое, почти личное чувство:

— Значит, это и правда была судьба.

Мать Жун кивнула:

— Да... только жизнь в деревне потом стала тяжёлой. Я вышла из храма, нарушила правила, и мужчины-бездельники начали судачить, женщины - сторониться, а дети и вовсе не хотели играть с Сяо Фэном из-за его глаз. Эх... был однажды случай: один мужчина ночью перелез через забор, ворвался в дом, сразу навалился на меня, стал рвать одежду. Сяо Фэн тогда словно обезумел - его пинали, били ногами, но в конце он схватил кухонный нож и прямо там зарубил того человека. Тогда ему было всего двенадцать лет.

Бянь Хун слушал, не отрываясь; он и сам не заметил, как рука с гребнем остановилась. На сердце было тяжело - за ту давнюю мать Жун и за тогдашнего Жун Фэна. Он тихо спросил:

— А потом... что было потом?

— Потом? — мать Жун ненадолго задумалась. — Потом учитель Сяо Фэна, тот самый страж гор, спустился с горы, уладил всё и увёл нас с Сяо Фэном жить в горы. Так мы и прожили там спокойно много лет. Когда Сяо Фэн вырос и принял на себя службу стража гор, его учитель словно исчез, больше ни разу не появлялся. Думаю, он всё же жив: человек с такими способностями вряд ли мог просто так пропасть.

С этими словами мать Жун повернулась и взяла Бянь Хуна за руку.

— Дитя, раньше я не рассказывала всего этого, потому что боялась: вдруг ты станешь смотреть на него свысока - без родителей, с неясным происхождением, да ещё и с таким отличием. Но теперь я знаю, какой ты хороший человек. Сяо Фэн не родился таким резким и озлобленным на весь свет. У всего есть причина, и я хотела, чтобы ты знал: по своей природе он очень добрый.

При свете свечи лицо матери Жун, всегда чуть нахмуренное, наконец разгладилось.

— Я надеюсь, что вы станете друг для друга по-настоящему близкими людьми, и ты не позволишь ему в одиночестве скитаться по этому миру.

Перед таким искренним, полным надежды взглядом старой женщины Бянь Хун не мог вымолвить ни слова. Как он мог сказать ей, что сам он - всего лишь часть заранее оговорённого соглашения, что, когда всё закончится, они разойдутся, не будучи ничем обязаны друг другу?

Труднее всего разочаровать искренность человека, особенно когда это глубокая, материнская любовь. Бянь Хун долго не мог выдавить из себя ни звука, и лишь спустя время, перед этим добрым, но болезненно хрупким старым человеком, он сумел произнести всего одно слово:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/13502/1199903>